

И. А. Честнов¹

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

Содержание культуры постиндустриального, информационного общества раскрывают с помощью терминов «постмодерн» или «постмодернизм». Этот термин, появившийся в первой трети XX века, утвердился в 1980-е годы и на два десятилетия определил контекст всех социокультурных явлений и процессов, в том числе и права. Сегодня настало время и возможность рефлексивного анализа этого противоречивого явления², дабы наметить контуры наступающего постпостмодерна (After-postmodernism).

Постмодерн — это прежде всего радикальная критика общества эпохи модерна. Деконструкция как разрушительная критика индустриального общества, преимущественно его культуры, во многом справедливая, эксплицирует, с одной стороны, разрушительные тенденции в неуклонно расширяющейся *homo economicus* на рост экспансии человека в отношении с природой, ее полное подчинение потребностям человека — представителя «золотого миллиарда». С другой стороны, постмодерн выявляет структуры власти, которая в новых — знаково-символических — формах доминирует над психикой и поведением масс³.

В науке постмодерн развенчал претензии законодательного разума⁴ на полное познание и преобразование мира. Если электрон по своим внешним проявлениям неисчерпаем, как утверждал В. Гейзенберг (задолго до прихода постмодерна), то такие феномены, как человек, культура, право, тем более неисчерпаемы. Отсюда отказ от каузальной причинности, признание стохастичности и непредсказуемости более или менее сложных явлений и процессов⁵.

Чутко реагируя на открытия в разных научных областях (тут надо вспомнить принцип дополнительности в физике, ограничительные теоремы в логике, гипотезу лингвистической относительности и др.), постмодерн акцентирует внимание на многогранности и неопределенности, постоянной и непредсказуемой изменчивости, контекстуальной обусловленности, сконструированности (хотя и не произвольным

образом), а не «заданности» явлений и процессов культуры, содержание которых определяется континуумом смыслов и значений.

Все это бросает вызов классической науке вообще и юридической в частности, так как радикально меняет (если не отменяет) гносеологию⁶, онтологию (а также соотношение между ними), критерии рациональности. Так, социальная эпистемология (которая сама по себе не является детищем постмодерна, но некоторые идеи которой им восприняты) доказала зависимость постановки проблемы, процесс и результат научного исследования от социокультурного контекста. Отсюда точка зрения наблюдателя и используемые им методы конструируют предмет научного исследования, его образ. Тем самым онтология становится зависимой от гносеологии.

Лингвистический «поворот» акцентирует внимание на роли языка, который «говорит человеком», навязывая ему (нам) систему видения и классификации мира. Более того, он показывает, что любое явление попадает в поле зрения человека, только будучи наименованным и означенным, поэтому в нем всегда взаимодействуют внешняя и внутренняя психическая стороны. Последняя — в виде ментальных стереотипов, сложившихся и воспроизводимых (в том числе постоянно изменяющихся) в соответствующей культуре, — задает границы и критерии оценки поведения, квалифицируя поведение как правомерное или противоправное.

В таком случае юридическая наука — не более чем служанка власти преобладающей, обслуживающая интересы «золотого миллиарда», представителей правящего меньшинства, узурпировавшего власть символического капитала. Именно на это направлены исследования школы критических правовых исследований США или критического дискурса-анализа (преимущественно в области политики права).

Право в представлении постмодернистов — это знаковая система, закрепляющая гегемонию правящей власти. Именно в интересах сохранения властного статуса и принимаются законы, создаются государственные институты и организуется правоприменение. Прикрытием этой гегемонии является идеология, проникающая с помощью электронных СМИ в массовую культуру потребления, которая возвращается к культуре «молчаливого большинства» (А. Я. Гуревич). Этому же способствует политика социального государства, обеспечивающая достаточный уровень жизни для средних слоев общества, чтобы они не выражали открытое недовольство сверхприбылями, получаемыми привилегированным меньшинством от финансовых махинаций с ценными бумагами, которые давно перестали быть обеспеченными реальным продуктом. Отсюда «каучуковость» принципов и норм права (точнее — их

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права» и др.

² Постмодерн не является единым направлением в культуре, а представляет собой скорее разрозненные идеи западных (преимущественно) интеллектуалов.

³ Об этом наиболее обстоятельно писал М. Фуко (*Foucault M. Power/Knowledge. Selected Interview and other writings, 1972–1977. N. Y., 1980*).

⁴ «Законодательный разум» — термин З. Баумана, противопоставляемый им «интерпретативному разуму» эпохи постмодерна (*Bauman Z. Philosophical affinities of postmodern sociology // The Sociological Review. 1990. Vol. 38, № 3. P. 411–444*).

⁵ Интересно, что об этом сначала заговорили в такой науке, как химия (И. Пригожин), а затем это стало общим принципом науковедения.

⁶ Одним из первых требование «сбросить гносеологию с корабля истории» и заменить эстетическим литературоведением выдвинул Р. Рорти в программной работе «Философия и зеркало природы» (*Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979*).

формулировок в законодательстве)¹, которые, в силу полисемантической и смысловой неопределенности большинства юридических терминов, интерпретируются и применяются по-разному в зависимости от контекста ситуации. По мнению постмодернистов, права человека, принципы справедливости, формального равенства, законности, демократического правового государства и тому подобное — не более чем способ сохранения и преумножения господства правящей власти, прикрывающий в глазах широких народных масс ее гегемонию.

Соглашаясь со многими справедливыми утверждениями постмодернистов, нельзя не заметить, что постмодерн сам по себе не предлагает ничего позитивного, полностью отрицая культуру (науку, право, политику, экономику) эпохи модерна. Претензии на эмансипацию человека, освобождение его от гнета структуры в концепциях постмодернистов — не более чем очередная утопия, так как любые позитивные предложения новой научной программы деконструируются и объявляются логоцентризмом западного мышления. Поэтому в 2000-х годах сложилось общее представление о необходимости преодоления постмодерна, выхода за его границы.

Ответ на вызов постмодерна предлагает постклассическое науковедение, активно разрабатываемое в начале XXI века. В отечественной юриспруденции этим занимаются А. В. Поляков, Е. В. Тимошина, С. И. Максимов, А. В. Стовба, В. И. Павлов и некоторые другие². Вариантом постклассического

правопонимания и постклассической юридической науки выступает диалогическая антропология права, развиваемая автором настоящей статьи в последние годы³. Диалог в праве — это не благодный консенсус, который в современном мультикультурном обществе невозможен, но возможно принятие точки зрения Другого (социально значимого представителя референтной группы) как во внутреннем диалоге личности, так и в юридических взаимодействиях — то есть в правоотношениях. Диалог — это основа социальности как таковой, так как вне участия Другого невозможна идентичность самости и социальной группы. Соотнесение себя с Другим как проявлением правового статуса формирует мир правовых смыслов, которые объективируются в юридические значения — нормы права (модели правоотношений). Формирование правовых статусов происходит через совершение акта трансценденции — «перешагивание» границ существующих норм права, то есть внесение в правопорядок инноваций. Последние в силу символического авторитета их автора легитимируются в массовых ожиданиях и превращаются в правопорядок. Правопорядок, в свою очередь, воспроизводится массовыми действиями и сопровождающими их смыслами и значениями, приписываемыми этим действиям, широких слоев населения. Так с точки зрения диалогической антропологии права происходит воспроизводство (включающее инновацию и традиционное воспроизводство) правовой реальности.

¹ У. Гэлли назвал это «сущностной оспариваемостью (или оспариваемостью)» применительно к понятиям «справедливость», «свобода», «демократия» и тому подобным в 1955 г. Эти понятия, по мнению У. Гэлли, являются многомерными, носят ярко выраженный оценочный характер, всегда эксплицируют некоторую идеологию, и поэтому дискуссии по поводу их содержания являются бессодержательными — практически любую точку зрения можно как аргументировать, так и отвергнуть. Ко всему прочему они открыты для новых толкований (*Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 56. P. 67–173*). Э. Гидденс считает, что весь концептуальный аппарат социальных наук в известной степени является сущностно оспариваемым (*Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, 1979. P. 89–90*).

² Среди западных авторов следует назвать М. ван Хука, Э. Паттаро, Б. Мелкевика, К. Ледера и др.

³ См.: *Честнов И. Л. Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию новой концепции // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб., 2009.*